

нескольких последующих столетий греческие идола находили себе приверженцев в непроезжих гористых местностях, а именно на Тайгете. Пантеистический языческий дух проникал целый ряд поколений, исповедовавших христианство, и даже по сей еще час воображение новогреческого народа питается бесчисленными представлениями, позаимствованными из античной мифологии.

3. Все тот же император Юстиниан учинил и последнее разграбление остававшихся в Афинах далеко не незначительных городских древностей. Если он для роскошного сооружения Св. Софии не постеснялся ограбить памятники греческих городов и в Азии, и в Европе, то само собой понятно, что и Афинам также пришлось поставлять в Константинополь колонны и мраморные плиты. Впрочем, в Византии сложилось предание, которое, по-видимому, превозносит афинян той эпохи, когда между ними более не зарождались новые Мнесиклы и Иктины. Юстиниан пришел в недоумение, не следует ли мраморные стены и полы в церкви Св. Софии сплошь покрыть золотом; за советом он обратился к двум афинским философам и астрономам — Максимиану и Гиеротею, а эти два мужа весьма благоразумно рассудили так: в отдаленные времена появятся такие обедневшие государи, которые разрушат собор Св. Софии, если он будет облицован золотом; если же собор будет только из камня, то простоят невредимо до самой кончины мира. Этому совету император и внял. Таким-то образом дальновидные афинские философы прорицали о времени, когда латинским крестоносцам, а позднее и туркам предстояло разграбить и изуродовать Гагию Софию.

Что касается судеб афинских памятников, то они, в общем, остались в неизвестности. Римлянин Феоа мог пытаться изобразить историю развалин Рима, но предпринять нечто подобное относительно Афин было делом невозможным. Церковь, дворянство и гражданство обставляли Рим все далее и далее новыми памятниками, в Афинах же не замечалось ничего подобного.